

Т. А. БЕРТАГАЕВ

К ПРОБЛЕМЕ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

(На материале монгольских языков)

О причастных и деепричастных оборотах

Пытаясь определить процесс развития сложного предложения в так называемых агглютинативных языках, представители «нового учения» о языке (в частности, А. Рифтин) утверждали, что сложные предложения возникают и развиваются двумя путями: 1) два или несколько предложений объединяются в одно сложное предложение или 2) придаточные предложения возникают внутри простого предложения в результате «взрыва» причастного или деепричастного оборота («...когда спрягаемая форма глагола заменила отглагольное имя, взорвав тем самым оборот и создав придаточное предложение»¹). При этом было сказано, что «...в языках агглютинативных ... главная роль принадлежит второму пути...»², т. е. развитию придаточных предложений внутри простого предложения на основе оборотов.

Такое объяснение развития сложных предложений в языках типа монгольских, несомненно, противоречит действительному положению вещей. Факты языка, исследуемые в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, говорят совершенно об обратном. Остановимся сначала на проблеме самих причастных и деепричастных оборотов. Вопрос об этих оборотах и об их отношениях к сложным предложениям в монголоведении и тюркологии очень осложнен и запутан. Так, часть монголистов, признавая, как и А. Рифтин, основой придаточных предложений обороты, полагает, что последние могут быть придаточными предложениями сами по себе и что ими и представлены так называемые подчиненные предложения. Более того, на этом основании они склонны признать, что подлежащее выражается не только именительным падежом, но и родительным, и видят в этом особую самобытность упомянутых нами языков³. Признание оборотов за предложение, в котором субъект выражен, в основ-

¹ А. Р и ф т и н, О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке, сб. «Советское языкознание», т. III, Л., 1937, стр. 63.

² Там же, стр. 66.

³ См. тезисы доц. Д. А. А л е к с е е в а к его докладу «Синтаксис сложного предложения», прочитанному на Республиканском совещании учителей родного и русского языка при Улан-Удэнском институте усовершенствования учителей в 1943 г., где автор пишет: «В бурят-монгольском языке имеются придаточные предложения, которые характеризуются тем, что подлежащее выражается именем существительным или местоимением в родительном падеже, а сказуемое причастной и деепричастной формой». Эта точка зрения нашла свое отражение и в его учебнике, изданном в соавторстве с М. Н. И м е х е н о в ы м и Д. Д. Д у г а р ж а б о н о м на бурят-монгольском языке. («Грамматика бурят-монгольского языка», ч. II, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1946.)

ном, существительным в родительном падеже, несомненно, должно было служить оправданием стадияльной теории акад. И. И. Мещанинова, его утверждений о существовании особого possessивного или притяжательного строя языка, при котором подлежащее выражалось именами в родительном падеже. Аналогичные утверждения мы находим и у других последователей И. И. Мещанинова⁴.

Однако на самом деле в монгольских, а также в тюркских языках имеется лишь определенная группа причастных и деепричастных оборотов, которые выполняют иногда ту же самую функцию, что и соответствующие именные обороты и придаточные предложения в индоевропейских языках, в частности в русском. Так, например, в составе бурят-монгольского предложения: *Ахайн хургуулида ерэхэдэ багша класстаа байба* «Когда брат пришел в школу (или „при приходе брата“), учитель уже был в классе» — имеется так называемый причастный оборот *Ахайн хургуулида ерэхэдэ*, заменяющий русское придаточное предложение «Когда брат пришел в школу». Анализируя этот оборот, мы видим, что субъект действия (а в русском — грамматическое подлежащее) выражен существительным в род. падеже (*ахайн* «брата»), обстоятельство места — существительным в дат. падеже (*хургуулида* «школе»), а действие (в русском — сказуемое) — причастием в дат. падеже *ерэхэдэ* «пришедшему»

«Брата школе пришедшему учитель классе был».
Ахайн хургуулида ерэхэдэ багша класстаа байба.

Но такое буквальное воспроизведение конструкции бурят-монгольского предложения по одним внешним грамматическим формам нельзя считать точным, оно может быть в лучшем случае только приближенным. Из приведенного примера ясно, что, например, форма русского дательного падежа, воспроизводящая дательно-местный падеж бурят-монгольского слова *хургуулида* «школе», не передает в точности направительное значение этого падежа, потому что последний в русском, если имеет подобное значение, то с несколько другим оттенком, с оттенком приближения к чему-нибудь («идти к школе»), но не направленности во внутрь предмета⁵. Это же своеобразие, очевидно, в более усложненной форме, находим и в самом причастии.

Почему же субъект в причастных оборотах употребляется в родительном падеже, а не в каком-нибудь другом? Известно, что родительный падеж в монгольских языках является только приименным падежом, т. е. зависящим от имени существительного, например: *колхозой байдал* «положение колхоза», *багашуулай баяр* «радость детей», *нүхэдэй уулзалга* «встреча друзей», *арадай зол* «счастье народа», *ахайн гэр* «дом брата», *колхозой хугжсалта* «развитие колхоза» и т. п.

Из наблюдений над значениями родительного падежа монгольских языков видно, что этот падеж показывает, в основном, идею принадлежности. Вторым интересующим нас сейчас значением является значение субъекта, в известной степени выступающее в наших примерах при таких отглагольных существительных, как *баяр* «радость», *уулзалга*

⁴ См., например, Д. Д. Амоголонов, Деепричастие в бурят-монгольском языке, Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1948, стр. 98. Д. Амоголонов говорит: «К притяжательному строю предложения в бурятском языке относятся те подчиненные предложения, сказуемыми которых служат обстоятельственные деепричастия... Поэтому подлежащее при сказуемых, выраженных этими деепричастиями, оформлено родительным падежом...»

⁵ В сочетании слов «бросить в воду» русский вып. падеж с предлогом *в*, соответствующий бурятскому послелогу *руу*, показывает, как это выясняется из значения последнего, действие, направленное сверху вниз или внутрь чего-либо.

«встреча», при которых всё же господствующим оказывается значение принадлежности. Но более отчетливо значение субъекта обнаруживается в сочетании типа *колхозой хугжэлтэ* «развитие колхоза», т. е. при существительном, образованном от глагола сравнительно недавно, вернее, не утратившем еще живую связь со своим прошлым. Следовательно, родительных падеж субъекта в монгольском языке является падежом при существительных, образованных от глагольных форм (ср. еще *онгосын ябаса* «движение лодки»)⁶. Тем более он должен быть употребительным при субстантивированных причастиях, т. е. при тех причастиях, которые переходят в категорию существительных окказионально⁷ или в данном контексте. Подобные окказиональные, или контекстуальные, существительные по всем своим признакам и представляют собой причастия наших оборотов.

Причастия в оборотах, которые мы взяли предметом нашего анализа, в монгольских языках могут иметь почти все падежные формы имен существительных, а не только дат. падежа, например, им. падежа: *Ахайн хургуулидаа ерэхэн мэдээтэй* «Известно, что брат придет в школу», буквально: «брата школе прихождение известно»; вин. падежа: *Ахайн хургуулидаа ерэхые харааб* «Видел, как брат пришел в школу», буквально: «видел брата школе прихождение»; твор. падежа: *Зуун айлай хуухаар гэр бариха*⁸ «Строить дом, чтобы вселить сто семей», буквально: «ста семей вселением строить дом» и т. д.

Причастие в таких оборотах принимает на себя все грамматические признаки существительного: оно может сопровождаться, как и существительное, послелогами, например: *Ахайн хургуулидаа ерэхин түмөө...*, «Ради того, чтобы брат пошел в школу...», буквально: «брата школе прихождения ради...» и т. д. А так как оборот и его причастия относятся к основному глаголу-сказуемому предложения, то они выполняют в нем, как и существительное, не только роль прямого и косвенного дополнения, но и подлежащего.

У многих причастий в подобных оборотах слабее выражен также и их основной признак — категория времени. Так, в предложении *Ахайн ерэхэндэ баярлааб* «Обрадовался приходу брата», буквально: «брата пришедшему обрадовался», причастие в прошедшем времени *ерэхэндэ* значительно ослабляет свое значение времени и выражает процесс, предшествовавший действию основного глагола. Словом, причастие здесь ведет себя как деепричастие, в котором время присутствует в виде намека или вовсе отсутствует⁹. Стало быть, причастия, субстантивируясь в подобных оборотах и завися от основного глагола-сказуемого предложения, одновременно приобретают оттенок деепричастий, поясняющих глагол, следовательно, предцируются, но только в известной мере¹⁰.

Вместе с тем причастный оборот имеет иногда и самостоятельное значение. Примером могут служить предложения, взятые из стихотворений поэта Ж. Тумунова: *Ямар хайн хэн ааб тантай уулзахадам, Ямар гоё хэн*

⁶ Ж. Тумунов, *Шинэ шүлэгүүд*, Улан-Удэ, 1950, стр. 33.

⁷ По терминологии В. В. Виноградова. См. его «Современный русский язык», вып. II, М., Учпедгиз, 1938, стр. 5.

⁸ Д. Гунзынов, *Нютагаймни хунүүд*, Улан-Удэ, 1950, стр. 33.

⁹ См. Г. Д. Санжеев, *Грамматика бурят-монгольского языка*, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 77.

¹⁰ В основном так же, очевидно, развивается и герундий в английском языке; см. статью И. П. Ивановой «Значение герундия в раннепозанглийском языке», «Ученые записки ЛГУ», № 156, 1952, стр. 314, где она пишет: «Сама же вербализация закладывается в неуклонном возрастании предикативных свойств герундия; именно в силу этого герундий становится центром предикативного оборота в сочетании с притяжательным местоимением или родительным падежом...»

*ааб танише харахадам*¹¹ «Как было бы хорошо встретиться с вами, как было бы прекрасно увидеть вас», или: *Баясанаб сэдвэхэлхээ: ...Город тосхониие шэмэглэн ерехэдэ*¹² «Я радуюсь от души: ...Когда украшают города и деревни». Такое построение можно наблюдать часто и в живой разговорно-бытовой речи: *Тугалнай хухөөд байгаал, миний ерэхэдэ* «К моему приходу теленок уже высосал», буквально: «теленочк высосал моего приходу». Во всех этих случаях причастный оборот с родительным падежом субъекта расположен после сказуемого, от которого он зависит. Обычно же причастия и вообще зависимые слова в монгольских языках располагаются перед теми словами, от которых они зависят. Подобное изменение обычной позиции причастия встречается в следующих случаях. Во-первых, в приведенных нами оборотах с субстантивированными причастиями и, во-вторых, в случае обособления определения, выраженного причастием, например: *Утана намгае багша басаган, Урданайм хани — хамта хурахан*¹³ «Встречает меня девушка-учительница, Давнишняя приятельница — вместе учившаяся». Здесь, конечно, имеем случаи обособления, приобретения причастием и причастным оборотом известной самостоятельности.

Обыкновенные причастия приобретают свободу расположения ввиду того, что они в постпозиции редко меняют свою синтаксическую функцию и, естественно, обрастая пояснительными словами и сопровождаясь соответствующей выделительной интонацией, становятся более полновесными и в синтаксическом, и в семантическом отношении. Но обособленные причастия, главным образом в оборотах больше предцированы и, следовательно, более самостоятельны, чем необособленные. Это обстоятельство и создало возможность смешения их с придаточными предложениями.

Несмотря на это, из всего изложенного выше ясно, что самостоятельность и независимость так называемых причастных оборотов с родительным падежом субъекта носит слишком относительный характер, чтобы можно было приравнять их к придаточным предложениям.

Несколько большая независимость ощущается в причастных оборотах в тех случаях, когда в них логический субъект выражен не родительным падежом, а падежом основы, формально совпадающим с именительным. Правда, выражение субъекта причастного оборота падежом основы является ограниченным в смысле своего распространения¹⁴. Оно не распространяется на имена существительные одушевленные и характерно только для имен неодушевленных. Например: *Сага ороходо, санаар ябахабди* «Когда выпадет снег, покатаемся на лыжах», буквально: «снег павшему, лыжами пойдем»; *Бороо ороходо, хэруун болохо* «Когда пойдет дождь, станет прохладно», буквально: «дождь павшему, станет про-

¹¹ Ж. Тумунов, указ. соч., стр. 18.

¹² Там же, стр. 29—30.

¹³ Там же, стр. 39. В старом монгольском письменном языке существовал в этом отношении определенный канон, согласно которому все зависящие слова должны находиться в препозиции. Это относилось и к подлежащему, которое должно находиться впереди сказуемого. В современном литературном языке, особенно в художественном, под влиянием живой речи нарушен старомонгольский порядок слов и в большом ходу свободное расположение слов. Нередко сейчас встречаем случаи, когда предложение начинается со сказуемого (глагола) по образцу народного языка, как это находим у Ж. Тумунова и др. Под влиянием разговорной речи и в старомонгольском письменном языке изредка встречается подобный же порядок слов.

¹⁴ Из этого ясно, что в причастных оборотах мы имеем дело с изживающим себя падежом основы. Следовательно, было время, когда субъект причастного оборота оформлялся в падеже основы, заменявшей в свое время родительный падеж, который возник в монгольском как падеж одушевленных существительных, выражающий идею принадлежности предмета действующему субъекту, а затем распространившийся на другие существительные, неодушевленные.

хладно»; *Ногоо ургахада, адахан садаха* «Когда трава вырастает, скот наедается», буквально: «трава выраставшей, скот наедается».

Проявление большей самостоятельности причастных оборотов с субъектом, оформленным существительным в падеже основы, объясняется тем, что в них не выражено значение принадлежности, явно ощущаемое в родительном падеже субъекта и поэтому придающее существительному функцию определения. Кроме того, внешнее формальное совпадение падежа основы с именительным падежом тоже придает причастным оборотам вид определенной самостоятельности¹⁵.

Еще большую самостоятельность и независимость, чем все виды причастных оборотов, имеют так называемые деепричастные обороты, у которых также может быть свой логический субъект, выраженный родительным или именительным падежами.

*

Все имеющиеся в монгольских языках разновидности деепричастий, а их свыше десяти, распадаются на две основные группы. К первой группе относятся деепричастия, в которых не проявляются признаки причастий или имен: 1) соединительные деепричастия с суффиксом *-жа*, например: *ябажа*; 2) разделительные — с суффиксом *-aad*, например: *ябаад*; 3) слитные с суффиксом *-н*, например: *ябан*. Ко второй группе относятся все остальные деепричастия, которые обладают некоторыми признаками причастий. К таким признакам относится, например, то, что они, как и причастие, управляют родительным падежом, т. е. в обороте в роли субъекта имеют имя в родительном падеже; кроме того, они могут иметь при себе притяжательные частицы, например: *мини ябатарамни*. (В этом примере к деепричастию *ябатар* присоединяется притяжательная частица *-ни* и местоимение в род. падеже — «моего»). Деепричастия же первой группы лишены всех этих особенностей. Субъектом оборота при них является существительное или местоимение в именительном падеже. Правда, самостоятельными оборотами являются только соединительные и разделительные деепричастия, а третьи — слитные — не составляют самостоятельного оборота и поэтому не имеют собственного субъекта.

Вторая группа деепричастий, таким образом, можно полагать, происходит из причастий, и в ней до сего времени сохранились те признаки, которые были свойственны этой группе в прошлом. Это — особый переходный тип деепричастий, которые можно назвать гибридными, или смешанными, деепричастиями.

Но и деепричастия первой группы не совсем свободны от родимых пятен своего прошлого. В них обнаруживается, например, следующий именной признак, как это в свое время подметил Г. Д. Санжеев: «...деепричастия первой группы выражают действие, являющееся объектом другогое действия...»¹⁶. Это значит, что деепричастия первой группы «...в качестве дополнения управляются последующим глаголом»¹⁷, что свойственно именам. Правда, таким правом по отношению к нашим деепричастиям обладает небольшая группа глаголов. Но ведь это лишнее

¹⁵ В современном монгольском языке (халхаском) появился вторичный падеж основы в результате выпадения конечного слога *сн*, исчезнувшего при переносе ударения на первый слог, например: *морь* из *морин* «копы», *зонь* из *зонин* «овца» и др. Этот вторичный падеж основы функционально полностью совпадает с именительным падежом. Такой вторичный падеж основы необходимо отличать от первичного падежа основы, сохранившегося наиболее рельефно, например, в бурят-монгольском языке. В нашей работе речь будет идти только о первичном падеже.

¹⁶ Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 78.

¹⁷ Там же.

раз подчеркивает пережиточный характер именных свойств деепричастий этой группы. Кроме того, эти деепричастия, также как имена и причастия, могут выступать в роли составного сказуемого со связкой, например: *Ахай ябажса байна* «Брат ходит», буквально: «брат хаживая есть». Все это, несомненно, указывает на то, что и первая группа деепричастий, представляющая собой «чистую форму деепричастий», происходит от причастий.

Интересно теперь выяснить, как наши деепричастия ведут себя в составе оборота. Большинство оборотов с деепричастиями второй группы в качестве субъекта имеет имя в род. падеже. Но часть из них, например условное деепричастие, наряду с субъектом в родительном падеже, может иметь и субъект, выраженный в падеже основы или в именительном падеже. Например, в предложении: *Нара гарбал дулаан болохо* «Если взойдет солнце, то будет тепло» — деепричастный оборот состоит из субъекта, выраженного в падеже основы без *н* (*нара* «солнце»), и условного деепричастия *гарбал*. Возьмем еще другой пример: *Ногоо ургабал адахан шимтэй болохо* «Если вырастет трава, то скот станет жирнее». И здесь субъект оборота выражен в падеже основы. Но не исключена возможность, что одновременно субъект такого оборота может стоять в именительном падеже, например: *Наран гарбал дулаан болохо, ногоон ургабал адахан шимтэй болохо* (перевод см. выше). В этом случае в словах, выражающих субъект, наличествует *н* как своеобразный показатель им. падежа. Наряду с подобным параллельным употреблением субъекта и в падеже основы, и в именительном падеже, имеются отдельные случаи употребления субъекта только лишь в именительном падеже, например: *Уулэн хөөрбэл бороо ородог* «Туча соберется, дождь будет» (условное деепричастие не переводимо буквально на русский язык). Здесь субъект оборота *уулэн* «облако» употребляется с *н*, т. е. в именительном падеже. Все это говорит о том, что некоторые деепричастия второй группы, хотя весьма неровно, с большими колебаниями и отступлениями, но постепенно приобретают в качестве субъекта своего оборота имя в падеже основы, затем в именительном падеже. Тем самым они постепенно освобождаются от своих первичных признаков, например выражения субъекта оборота в родительном падеже, и переходят в категорию подлинных деепричастий.

Деепричастия первой группы, за исключением слитного, как уже сказано выше, в качестве субъекта имеют всегда имя в именительном падеже. Нет сомнения, что эти деепричастия стали относиться к субъекту в именительном падеже через падеж основы, как это мы наблюдали у причастий и деепричастий второй группы. Доказательством могут служить те рецидивы, которые встречаются в подобных деепричастных оборотах. Так, например, в отдельных случаях, наряду с субъектом в именительном падеже, может появляться, вполне свободно, и субъект в падеже основы: *Наран гаржа дулаан болобо* и *Нара гаржа дулаан болобо*, буквально: «солнце восходя тепло стало». Но это исключено в таких случаях, как *Наран шаража дулаан болобо*, буквально: «солнце грея тепло стало», ибо здесь при переходном глаголе падеж основы выступил бы уже не в роли падежа субъекта, а в роли прямого объекта. Стало быть, деепричастие первой группы, будучи организующим центром деепричастного оборота, относится главным образом к субъекту, выраженному именем в именительном падеже и, реже, в падеже основы.

Деепричастные обороты, состоящие из деепричастий первой группы и субъекта в именительном падеже, являются наиболее самостоятельными и наиболее независимыми из всех подобных оборотов. Они во многих случаях не только приближаются к предложению, но могут рассматриваться и как предложения. Максимальной самостоятельности подобный оборот достигает, когда выступает в составе сочинительного предложения,

особенно со значением противопоставления: *Хурдан туруута харайжа, хошоо эбэртэ оёдодог* (поговорка) «Лошадь скачет (через препятствия), а вол рогами поддевает», буквально: «быстрокопытный скача, рогатый поддевает (рогами)», или: *Шубуун ниидэжэ, мал газараар ябадаг* «Птица летает, а скот по земле ходит», буквально: «птица летя, скот по земле ходит». Такую же самостоятельность проявляет этот оборот и в роли компонента соединительного сложносочиненного предложения в повествовательно-описательной речи: *Дулаан боложо, шубуун жэргэжэ, сэсэг халбаржа хабарай нарта дулаан удэрнууд ерэбэ* «Стало тепло, птицы щебетали, цветы распустились, и наступили солнечные весенние дни», буквально: «становясь тепло, щебеча птицы, распусаясь цветы весенние солнечные дни пришли».

Но самостоятельность такого оборота-предложения во многом зависит от значений слов данного оборота и от смысла предложения в целом. Так, например, в предложении: *Дулаан боложо, ногоон ургаба* «Стало тепло, и травы выросли», буквально: «становясь тепло травы выросли» — деепричастный оборот имеет оттенок подчиненного предложения причины, и деепричастие, являясь сказуемым, в то же время, несомненно, имеет и признак обстоятельства. В еще большую зависимость от основного глагола попадают деепричастия, когда выполняют роль слитного сказуемого: *Би эндэ нээ хүни хоноод маргааша бусахаб* «Проведу здесь одну ночь, а завтра уеду», буквально: «я здесь одну ночь проведя, завтра уеду». В таком предложении значение обстоятельства, несомненно, усиливается, и самостоятельность деепричастия значительно утрачивается. В этой роли деепричастие первой группы легко может переходить в обстоятельство, но самым окончательно утрачивая свою независимость: *Хоноод бусахамни* «Переночевав, уеду».

Деепричастия первой группы, за исключением последнего случая, в синтаксическом отношении, как уже было сказано выше, относительно самостоятельны, и они даже выполняют функцию сказуемого без помощи служебных слов, но сказуемого очень своеобразного, не имеющего временного значения, а главное — личных окончаний, весьма характерных для сказуемых, например, бурят-монгольского языка. Кроме того, такое сказуемое легко переходит в положение слова, подчиненного основному сказуемому данного предложения, в зависимости от лексического окружения и значения предложения в целом. Поэтому Г. Д. Санжеев называет эти виды сказуемых деепричастными сказуемыми¹⁸, в отличие от обычных, а соответственно этому обороты, выступающие в роли таких относительно полноценных предложений, можно назвать деепричастными предложениями, подчеркнув тем самым те их особенности, о которых мы говорили выше. Подобные предложения, переходя в обычные, утрачивают свою зависимость и свойство подчиненного предложения.

Все остальные обороты, за исключением тех, организующим центром которых являются деепричастия первой группы (соединительные и разделительные), являются только оборотами, причем, в отличие от простых оборотов без субъекта в родительном падеже или падеже основы, мы называем их самостоятельными причастными и деепричастными оборотами или, вслед за Г. Д. Санжеевым — «развернутыми» членами предложения. Предложениями же они по всем приведенным нами выше признакам не могут являться, хотя по общей внешней структуре и напоминают предложения. Из этого следует, что не прав и Г. Д. Санжеев, когда относит их к особым типам предложения¹⁹.

¹⁸ См. Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 80.

¹⁹ См. там же, стр. 175. Автор говорит: «...развернутый член (предложения. — Т. Б.) есть как бы предложение в предложении».

Мы видели, что деепричастия первой группы многообразны по своей синтаксической функции: они могут быть дополнениями в отдельных случаях, обстоятельствами, слитными сказуемыми и сказуемыми сочинительного предложения. Такое многообразие функций подобных деепричастий есть отражение того длительного исторического пути, который они прошли от причастий почти до *verbum finitum*. Можно полагать, что деепричастия первой группы возникли и функционировали до появления формы родительного падежа. И в дальнейшем, благодаря совпадению падежа основы с именительным падежом, им удалось закрепить последний в роли падежа субъекта оборота.

Остальные деепричастия, возникшие в период формирования родительного падежа, заменяющего падеж основы и выступающего параллельно с последним, сохранили в роли субъекта имя и в родительном падеже, и в падеже основы. Наши же причастные обороты, очевидно, захватили период вытеснения падежа основы формой родительного падежа, чем объясняется частое употребление субъекта оборота в родительном падеже и лишь изредка в падеже основы²⁰.

В заключение необходимо сказать, что развитие причастных и деепричастных оборотов проходит очень сложный и крайне длительный путь, причем это развитие происходит не путем взрыва, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества.

Итак, в монгольских языках причастные обороты функционируют во всех падежах, за исключением родительного без послелого. Наличие такого явления связано со структурными особенностями монгольских языков — отсутствием согласования. Отсутствие согласования и специализация одного определенного падежа в роли выразителя субъекта²¹ причастных и деепричастных оборотов явились причиной многообразия и живучести последних в монгольских языках, чего не наблюдаем в языках с иной структурой, в частности в русском.

Основным фактором, послужившим причиной функционирования причастных оборотов, как относительно независимых единиц, и развития их в сторону деепричастия, явился порядок слов, который при отсутствии согласования оказался одним из важнейших средств изменения функции причастия и дальнейшего переключения его в систему деепричастий.

В связи с этим окказиональный переход причастий в категорию существительных в косвенном падеже, следовательно, освобождение их от подчинения определяемому имени, переход их в зависимое положение от глагола и дальнейшее сближение с ним являются показателями того пути, по какому развивались причастия, переходя в категорию деепричастий. Хотя причастия в постпозиции оказывались субстантивированными, но тем не менее они сохраняют свои глагольные качества: свойства управлять именем, например в винительном падеже, а также особенности залога и некоторые другие. Все эти глагольные признаки причастий при сближе-

²⁰ Следует указать, что в языке современных бурятских писателей встречаются причастные обороты, имеющие субъектом имя в им. падеже, например, у Хоца Намсараева: *Цыремпил хоймрто орой болохые хулеэжэ ядахан хэбэртэй өөдвө харан нуухадань...* «Когда Цыремпил, нетерпеливо ожидая наступления сумерек, смотрел в дымовое отверстие...», буквально: «Цыремпил сумерек наступление в нетерпении ожидая в верх смотря сидевшему», что является результатом влияния деепричастий, вошедших в состав данного оборота.

²¹ В халха-монгольском в роли такого падежа в причастных оборотах иногда выступает вин. падеж: *Чамайг ном олох ирээл би дууддаг захидал бичнэ* «Если ты найдешь книгу, то напишу письмо брату». Субъект данного оборота, заменяющий русское местоимение «ты», дан в вин. падеже — «тебя». Можно полагать, что здесь получилась своеобразная контаминация род. и вин. падежей благодаря падежу основы.

нии с глаголом-сказуемым находят благоприятную почву для дальнейшего развития, и постепенно, при длительном употреблении подобных причастий в одной и той же функции (например, дат. падежа в значении времени), их суффиксы и окончания могут приобрести специализированную функцию застывших, неизменяемых форм деепричастий.

Следующим, не менее важным фактором развития независимости причастных, а также деепричастных оборотов оказался падеж основы, прогрессирующий в сторону именительного падежа и имевший для этого благоприятные условия в виде формального совпадения с последним. Отсюда вытекает, что развитие причастных и деепричастных оборотов в монгольских языках вызвано внутренними языковыми факторами и спецификой структурной системы этих языков.

Наконец, мы должны отметить, что причастные и деепричастные обороты не являются ядром образования придаточных предложений в языках типа монгольских, как это полагал А. Рифтин²², а скорее всего звеном, скрепляющим два или несколько предложений или сочетаний слов в одно сложное целое. Вместе с этим сложным целым причастие (или деепричастие) подчиняется тому члену предложения, к которому оно само относится. В указанной роли — скрепляющего звена — выступают не все слова, являющиеся деепричастиями и причастиями, а только некоторые, выделившиеся в процессе развития языка.

О сложноподчиненных предложениях

Проблема сложноподчиненных предложений в монгольских языках не менее спорна, чем вопрос о причастных и деепричастных оборотах. Одни лингвисты, выдавая причастные и деепричастные обороты за придаточные предложения, находили, что эта проблема исчерпывается анализом только одних этих оборотов, и тем самым они по существу отрицали наличие сложноподчиненных предложений в монгольских языках²³. Другие, хотя правильно оценили природу этих оборотов и не считали их придаточными предложениями, но все же приходили к неправильному заключению, отрицая наличие вообще всяких сложноподчиненных предложений. Третьи же пытались дальше разработать и расширить те положения, которые впервые были поставлены известным монголистом первой половины XIX в. А. А. Бобровниковым. Хотя он и выдвинул свою особую теорию о так называемых «членных предложениях»²⁴, но все же не прошел мимо способов выражений прямой и косвенной речи и тем самым заложил начальную основу учения о сложных предложениях в тюркско-монгольских языках. Эти краткие замечания о прямой и косвенной речи, находящиеся в самом конце его обширной грамматики, не привлекали внимания исследователей и не вызвали к себе особого интереса монголистов в течение целого столетия. Причина такого отношения в основном заключается в том, что слова, связывающие два или несколько предложений и одновременно являющиеся словами с полноценным значением, не рассматривались многими как служебные слова, равные союзам. Например, возьмем такое слово, как *гэхэ*, которое означает

²² См. А. Р и ф т и н, указ. соч., стр. 63, где он пишет: «В них (в оборотах.— Т. Б.) мы хотим видеть то ядро внутри простого предложения, из которого выросло придаточное предложение...»

²³ Что было бы действительно наивно, как об этом правильно говорит В. А. А в р о р и н. См. его статью «К вопросу о национальной самобытности языка» (сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., Изд-во АН СССР, 1952), стр. 417.

²⁴ См. А. Б о б р о в н и к о в, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849.

«произнести, сказать, говорить, молвить, ответить, издавать звук» и т. д.²⁵ Оно в своих разнообразных причастных и деепричастных формах (*гэхэ, гэжэ, гээд, гэхэн, гэхэнһаа, гэхэндэ, гэбэл, гэтэл, гэхэндли* и т. д. и т. п.) является не только связующим словом, но и частицей и вспомогательным глаголом при неизменяемых словах. Значение этого слова в грамматической системе монгольских языков велико, хотя многие исследователи и не желали признавать его грамматической роли, а если и признавали, то неохотно. Мысль об этом слове, как о грамматическом показателе, стала возникать под влиянием исследований русистов, которые проводили идею о переходе знаменательных слов в служебные²⁶. Окончательно к этой мысли языковеды-монголисты пришли после трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где, как известно, дается глубокое теоретическое обобщение всем подобным фактам языка.

Первоначальная и основная функция глагола *гэхэ* заключается в передаче чужой речи в самом ее простейшем виде: *Ерэ гэбэ* «Сказал: „приходи“»; *Би ерээб гэбэ* «Сказал: „я пришел“» и т. д. Но одновременно в будущем времени этот глагол передает уже не прямую речь в непосредственном ее виде, а предполагаемую прямую речь, вернее, воображаемую: *Би ерэхэб гэжэб* «Скажу: „я приду“»; *Ши ерэхэб гэхэи* «Ты скажешь: „приду“» и др.

В подобного рода формах выражения уже наблюдается начальное, чуть заметное отклонение этого глагола от своей основной функции: передача фактически еще не высказанной чужой речи, т. е. потенциальной или возможной прямой речи, сконструированной говорящим лицом по существующему образцу²⁷, а не прямой речи в непосредственном виде. В этой своей роли глагол *гэхэ* еще не связующее слово, он выступает в своем непосредственном вещественном значении. Его первый отход к служебным, в частности к связующим, словам наблюдается в тех случаях, когда он употребляется в деепричастных и причастных формах в сочетании с глаголами *асууха* «спросить», *дуугарха, хаахирха*, «кричать, крикнуть», *хэлэхэ* «сказать, говорить» и некоторыми другими. Например: *Ерэхэ гууш гээд асууба* «Спросил: „придешь ли?“»; *Ханһалсыт гэжэ хаахирба* «Крикнул: „помогите!“»; *Ерээрэйлтэ гээд хэлэбэ* «Сказал: „приходите“»²⁸. Во всех этих примерах деепричастная форма глагола *гэхэ* — *гээд*, несомненно, выполняет функцию связующего слова, что наглядно видно хотя бы из третьего примера, где повторение двух синонимических слов (*гээд хэлэбэ*) было бы неоправданным, если бы не были в какой-то мере разделены их функции в предложении. Однако во всех наших примерах, особенно в первых двух, деепричастные и причастные формы *гэхэ* еще не утратили своего вещественного значения.

Деепричастные и причастные формы этого глагола, как мы видим, устанавливают здесь связь между прямой и авторской речью²⁹. Следова-

²⁵ Это слово не соответствует в полной мере ни одному из приведенных русских слов, но в то же время вполне передает значение всех этих слов в зависимости от контекста речи. В своем же основном, непосредственном значении оно имеет оттенок приказания, волеизъявления (ср. киргизское *де* — «говорить, молвить»).

²⁶ См. труды по современному русскому языку А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Л. В. Щербы и др.

²⁷ Конечно, такого рода чуть заметное отклонение («микроотклонение») не единично. Здесь градация может быть очень тонкой. Но объем журнальной статьи не позволяет нам останавливаться на всех видах отклонений.

²⁸ В монгольских языках существует несколько синонимов со значениями «говорить, сказать, молвить и т. п.». Например: *хэлэхэ* «говорить, сказать, повествовать»; *үгэлэхэ* «молвить, говорить» (букв. словословить); *хөөрэхэ* «рассказывать, говорить»; *табиха* (в аффективной речи) «болтать, говорить»; *гэхэ* (см. выше) и др.

²⁹ Может возникнуть вопрос, почему же при прямой речи, включаемой в авторскую речь, выраженную глаголом *гэхэ* (*Яба гэбэ* «Иди сказал»), не прибегают к помощи связующего слова, в отличие от тех случаев, когда эта речь относится к глаголу *хэлэхэ*

тельно, *гэхэ* может быть связующим словом только в своих деепричастных и причастных формах, не являющихся главными членами предложения. Но в таких предложениях, как, например: *Ехэ зэмтэйб гэжэ үгээ үгэхэ байнаб* «Я должен заявить, что я виноват»³⁰; *Би бурууб гэжэ хэлэхэ ёһотойш* «Ты должен сказать, что не прав»³¹; *Тогоошон боло гэжэ албадаагүй* «Не принуждал, чтобы я стал поваром»³², чувствуется, что вещественное значение деепричастия *гэжэ* соревнуется с его союзным значением. Так, например, в предложении *Би бурууб гэжэ хэлэхэ ёһотойш*, буквально: «я виноват говоря сказать должен», вещественное значение деепричастия *гэжэ* «говоря» затупевано значением глагола *хэлэхэ* «сказать». То же самое — и в остальных предложениях, где деепричастие «говоря» также не имеет полноценного вещественного значения.

Дальнейшую ступень абстрагирования деепричастных и причастных форм глагола *гэхэ*, выступающих в роли связующего слова, можно проследить в такого рода предложениях: *Абай Гэсэр хубууе ерэтээгэйл гэжэ татаба*³³ «Абай Гэсэра пригласили с тем, чтобы приехал», буквально: «Абай Гэсэра молодца пусть приходит говоря пригласили»; *Тэдэнэрэй уялганууд соо трактор заһабарилга саг дары дүргэхэбди гэжэ хэлэгдэнэ*³⁴ «В их обязательствах сказано, что ремонт тракторов они закончат немедленно», буквально: «в их обязательствах трактора ремонт немедленно закончим говоря сказано».

В этих примерах вторые подчиненные предложения уже в значительной мере утратили особенности и значение прямой речи. В первом предложении подчиненное предложение, состоящее из одного сказуемого «пусть приходит», выражено глаголом в форме 3-го лица желательного наклонения *ерэтээгэйл*. А между тем прямое непосредственное обращение к Гэсэру должно было быть выражено в форме 2-го лица глагола *ши ерээрэйш*. И само слово *гэжэ* «говоря» функционирует здесь больше как связующее слово, нежели в своем прямом, вещественном значении. Поэтому такое предложение на русский язык может быть переведено только лишь в следующем виде: «Абай Гэсэра пригласили с тем, чтобы он приехал», а не «Абая Гэсэра пригласили, сказав: „пусть придет“». Но если в русском эквиваленте отсутствуют черты прямой речи, то в монгольском (бурятском) все же они выступают довольно заметно. В следующем же предложении *гэжэ* «говоря» имеет больше формальное служебное значение, чем вещественное, хотя само предложение выражено в форме прямой речи. Это предложение полностью соответствует по своему построению так называемой неправильной косвенной речи, встречающейся в русском народном языке: «В их обязательствах сказано, что ремонт трактора мы закончим немедленно» вместо «В их обязательствах сказано, что ремонт трактора они закончат немедленно». Но в монгольских языках, в отличие от русского, такая неправильная косвенная речь существует как норма, органически вытекающая из особенностей развития этих языков.

Связующие слова — деепричастные и причастные формы глагола *гэхэ* — испытывают влияние окружающих слов и приобретают иногда

и другим синонимам этого слова. Дело в том, что, хотя эти глаголы имеют сходные значения, кое в чем они различаются: *гэхэ* имеет оттенок приказа, волеизъявления, а *хэлэхэ* — оттенок повествования, рассказывания. Поэтому, если можно сказать: *Яба гэбэ* «Иди сказал», то нельзя говорить *Яба хэлэбэ*.

³⁰ П а г б а и н, Баатар, газ. «Үнэн» 4 II 45.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ См. Произведения народной словесности бурят. Вып. 1. «Гэсэр-Богдо. Эпос», Л., 1930, стр. 4.

³⁴ Газ. «Үнэн» 16 II 45.

оттенок таких слов, как *решить, подумать, намереваться, полагать*, и некоторых других глаголов этой группы. Например, в предложении *Хожомоо юш бологдаа гэжэ эдижэоргибо*³⁵ «Решив, чтобы там ни случилось, он съел», буквально: «потом, чтобы ни случилось, говоря съел», слово *гэжэ* «говоря» не имеет своего собственного значения, а выступает в значении глагола «решить». Вся фраза может быть передана так: «Решив, чтобы там ни случилось, съел».

Следовательно, в монгольских языках связующие слова одновременно могут быть и членами предложения, как русские союзные слова, и выражать вещественное значение, связанное главным образом с категорией высказывания: *сказать, называться, приказать, утверждать, заставлять* и некоторые другие.

Это своеобразие связующих слов монгольских языков сказывается не только в сохранении ими знаменательного значения, но и в структуре самого предложения, как это мы видели выше. В некоторых случаях (правда, в очень редких) главное предложение при переводе на русский язык может быть даже передано придаточным, и наоборот. Если возьмем такое предложение, как *Юунээ тулов сэрэгэбди гэжэ байнабди*³⁶, буквально: «Чего ради мы войско говоря стоим», то в нем связующее слово *гэжэ*, помимо того, что включает в себя оттенок значения слова «называясь», соединяет предложения таким образом, что монгольское (бурятское)³⁷ главное предложение *байнабди* может быть придаточным при переводе на русский язык: «Для чего мы войско, если стоим»³⁸.

В процессе грамматикализации связующих слов известную роль играет употребление этих глаголов в переносном значении. Так, например, в следующем предложении: *Тугаминь хажуудань ерэжэ хузуумни маажжа угыт гэхэндэл дэбхэрээд абана*³⁹ «Теленок подпрыгнул и подошел к нему, как бы говоря: „почеши шею“», буквально: «теленка-его к нему-около подойдя шею-мою почесав дайте сказавши-будто раз подпрыгнул», — первоначальное значение связующего слова отходит на задний план. Особенно это рельефно выступает в предложении: *Энэ нохой гэжэ таняаб гэжэ гуниража байна* «Эта собака, ласкаясь, хочет показать, что узнала своего хозяина», буквально: «эта собака — хозяина узнал — говоря ласкается». Здесь *гэжэ* не выступает и не может выступать в прямом конкретном значении «говоря», оно имеет значение желательной частицы, выполняющей одновременно функцию союза. Благодаря изменению значения связующих деепричастных и причастных форм и переносному употреблению, стало возможным сочетание их с такими словами, с которыми они, казалось, не должны сочетаться. Поэтому в современных монгольских языках мы наблюдаем значительное количество предложений, в которых деепричастные и причастные формы глагола *гэхэ* выполняют только служебную функцию союза, например: *Хун ябана гэжэ хараахнайт*⁴⁰ «Мне показалось, что идет человек», буквально: «человек идет говоря видел я», и др. Здесь связующее слово «говоря» окончательно утратило свое вещественное значение и выполняет только функцию связи.

³⁵ Сб. «Бурят-Монголой Залуу Уранзохёлшод», Улан-Удэ, 1948, стр. 50.

³⁶ Там же, стр. 48.

³⁷ Монгольские языки синтаксически мало чем отличаются друг от друга, поэтому употребляю общее наименование «монгольский».

³⁸ Предложение такого же содержания, но несколько иного построения в монгольских языках передается предложением с причастным оборотом, например: *Юунээ тулов байнабди сэрэг хэн хойноо* «Чего ради стоим войско раз-есть после», «Для чего стоим, если мы войско».

³⁹ Х. Намсараев, Илалтын туяа, Улан-Удэ, 1944, стр. 65.

⁴⁰ П а г б а и н, Баатар, газ. «Үнэн» 4 II 45.

Итак, в монгольских языках мы наблюдаем живой процесс формирования подчинительных союзов и подчинительных предложений, длящийся несколько сот лет и обнаруживаемый в настоящее время почти во всех своих звеньях. Из наших примеров вырисовывается, хотя бы в общих чертах, картина последовательного включения деепричастных и причастных форм глагола *гэхэ* в цепь постепенного их абстрагирования и грамматикализации. Такое включение происходит в соответствии с потребностями речевого общения, возникающими у носителей данного языка, в процессе ежечасного, ежедневного обмена мыслями. При этом последующее звено включения опирается на предшествующее, составляя единую неразрывную цепь в своем движении, т. е. здесь мы наблюдаем строгую преемственную связь между звеньями этой цепи развития. Таким образом, потребность в коммуникации, в выражении своих мыслей и чувств, возникающая на основе постепенного расширения познания и восприятия носителей языка, явилась стимулом развития указанных форм с конкретным знаменательным значением в сторону их грамматикализации и абстрагирования. Анализируемые деепричастные и причастные формы в своем движении прошли ряд многочисленных ступеней, переходящих одна в другую, из которых нами замечены следующие пять.

Первая ступень — это сочетание с такими словами, как *асууха*, «просить», *хаахирха* «восклицать», *хэлэхэ* «сказать» и другими. На этой ступени анализируемые нами формы имеют полное вещественное значение, а придаточное предложение является прямой речью в собственном смысле слова. **Вторая ступень** развития — когда предложение со словом *гэхэ* приближается к косвенной речи, но не приобретает все свойства последней. **Третья ступень** — когда деепричастные и причастные формы наподобие русских союзных слов наряду с вещественным значением выполняют также и функцию связующих слов: эти два значения как бы находятся в состоянии некоего равновесия. **Четвертая ступень** — это ступень косвенных предложений, когда связующие слова являются только союзами; наконец, **пятая**, последняя ступень — когда деепричастные и причастные формы не имеют уже никаких других значений, кроме функции связи, и достигают ступени полной грамматикализации и превращения в союзы, например: *Халуун гарьемни бариба гэжэ зуудэлбэ* «Ему снился сон, что он поздоровался с ним за руку».

Таким образом, в результате своего развития деепричастные и причастные формы глагола *гэхэ* постепенно превращаются в служебные слова, используемые для выражения функции связи двух или нескольких предложений, т. е. в союзы, одновременно, в некоторых контекстах сохраняя свое прежнее значение. Вот этой особенности данных форм монгольского языка исследователи до сих пор не представляли себе ясно и, прибегая часто к буквальной передаче их значений на русский язык, искажали смысл переводимых сочетаний и предложений.

*

Чем же объясняется то, что в роли связующего слова выступили именно формы глагола *гэхэ*, а не какого-нибудь другого глагола? Если сравнить монгольские глаголы высказывания, кроме *гэхэ*, например: *хэлэхэ*, *угэлэхэ*, *хаахирха*, *дуугарха*, *хуунуулхэ* и некоторые другие с соответствующими русскими глаголами, эквивалентными им, например: «говорить» «сказать», «восклицать», «сообщить», «передавать» и т. д., то между ними мы обнаружим тонкое, едва уловимое различие, которое находит свое выражение в особенностях сочетаемости слов. Так, если русские глаголы «говорить», «сказать» могут быть сочетаемы с глаголами,

то в монгольских языках для таких сочетаний требуются связующие слова. Например, невозможно по-монгольски строить предложение в следующем виде: *Ерэхэ хэлэбэ* «Придет — сказал», *Ерээ хэлэ* «Пришел — скажи» и т. д., что вполне возможно по-русски, особенно при соответствующей интонации и следующем порядке слов: «Сказал — придет», «Скажи — пришел» и т. д. В монгольских же языках никакая интонация и никакой порядок слов не поможет такого рода сочетаниям. В этих случаях всегда требуется вмешательство связующих слов *гэжэ, гээд* и др.: *Ерэхэ гэжэ хэлэбэ* «Придет говоря сказал», *Ерээ гэжэ хэлэ* «Пришел говоря скажи»⁴¹.

Следовательно, монгольские глаголы высказывания *хэлэхэ, угэлэхэ* и другие имеют оттенок описательно-повествовательный, без той модальной окраски некоторой утвердительности и категоричности, какая, очевидно, в известной степени присутствует в русских глаголах «сказать», «говорить» (ср. «сообщить», «рассказать», «поговорить»). Зато этими оттенками даже в большей степени, чем русские глаголы, обладает в монгольском языке глагол *гэхэ*. От названных нами глаголов, являющихся его синонимами, он имеет ряд нижеследующих отличий.

В о - п е р в ы х, глагол *гэхэ* имеет свойство сочетаться лишь с теми словами, которые выражают что-либо исходящее от действующего лица или предмета в силу внутреннего его переживания или внутреннего состояния, например, со словом, высказанным кем-либо: *Би гээбэ* «Сказал: „я“», буквально: «я — сказал»; или со звуком, изданным кем или чем-либо: *Модон няд гэбэ* «Дерево издало треск», буквально: «дерево — няд — сказало» (в этом сочетании *няд* является подражательным словом); или с глаголом, выражающим действие, исходящее от лица (предмета) по его какому-то внутреннему движению или проистекающее само по себе, как бы по своему внутреннему импульсу⁴². Ср. *Морин ябана* «Лошадь ходит» и *Морин ябад гэбэ* «Лошадь походила», буквально: «Ходя говорила»; *Саһан оробо* «Снег пошел» и *Саһан ород гэбэ* «Снег поадал», буквально: «входя говорил»; *ангаганаха* «раскрываться» (например, о пасти) и *ангагад гэбэ* «разверзнуть», буквально: «раскрывшись сказал»; *атаганаха* «вздрагивать» и *атагад гэбэ* «вздрогнул», буквально: «вздрогнув сказал». Как видно из примеров в сочетаниях, где нет глагола *гэхэ*, описываются окружающие явления без отношения к субъекту⁴³, а в сочетаниях с глаголом *гэхэ* высказывается нечто исходящее от самого субъекта, связанное

⁴¹ Исключение составляет только повелительная форма этих глаголов, сочетающаяся с глаголом в вопросительной форме, например: *Хэлэ: «ерээ гуу?»* «Скажи: „пришел ли?“» Здесь существенную роль играет то, что вопросительная частица *гуу* имеет окраску утвердительно-императивной частицы, известной категоричности, которая приближенно передается по-русски описательной формой: «Скажи — пришел или нет?» А русская частица «ли» не обладает, очевидно, этими особенностями. Такая модальная окраска значения этой частицы соответствует значению императивной, повелительной формы глагола *хэлэ* «скажи» и придает глаголу *ерээ гуу* оттенок некоторой императивности.

⁴² Вообще этот глагол свидетельствует, что в представлении носителей языка существует мир объективных вещей и их признаков и мир явлений, связанный с самим субъектом, его внутренним переживанием, его внутренним импульсом. Когда монгол говорит: *Хун ябана* «Человек идет», — то ему представляется все это совершившимся независимо от субъекта, и передается оно эпическим, повествовательно-описательным высказыванием, но другое дело: *Хун ябад гэбэ* «Человек походил достаточно». Это он проделал в силу некоторой внутренней активности или внутренней принужденности, связанной с каким-нибудь обстоятельством.

⁴³ Значение *гэбэ* во всех приведенных примерах передается приближенно. Но тем не менее можно все же, в основном, передать его. Например, *атаганаха* «вздрагивать» связано с действием, протекающим несколько раз, потому носящим как бы эпический характер, а глагол *атагад гэхэ* «вздрогнуть», выражающий внезапность совершения действия, ярче оттеняет действие, совершившееся само по себе, по своему внутреннему импульсу.

как бы с внутренним состоянием или зависящее от внутреннего импульса действующего субъекта.

Во - в т о р ы х, глагол *гэхэ* легко сочетается или с прямой речью, или речью, которая не высказана, но должна быть высказана, судя по внутреннему состоянию говорящего субъекта, например: *Ябала гэбэ* «Сказал: „идем“, буквально: «идем — сказал».

В - т р е т ь и х, по тем же причинам глагол *гэхэ* не может непосредственно сочетаться в описательном плане с именами, выступающими в роли подлежащего⁴⁴ и второстепенных членов предложения, потому что в этой функции они выражают мир объективно существующих вещей, независимых от субъекта, и в таком случае речь носит описательно-повествовательный характер. Ср. *Бадма хэлэбэ* «Бадма сказал» и невозможное сочетание в том же значении *Бадма гэбэ*. В последнем случае требуется или особое слово в качестве посредника, исходящее от самого Бадмы, например: *Бадма ерэ гэбэ* «Бадма приходи сказал», «Бадма сказал: „приходи“», или же слово «Бадма» должно быть высказано каким-то другим субъектом: «Сказал: „Бадма“»; далее, ср.: *Бадмада хэлэбэ* «Бадме сказал» и *Бадмада гэбэ*, которое можно перевести только так: «Сказал: „Бадме“, т. е. «Сказал, что это Бадме».

В - ч е т в е р т ы х, имя, сочетаемое с глаголом *гэхэ*, испытывая особенности его значения, например, оттенка утвердительности, становится предикатом или предцируется: *Модон гэнэ* «Дерево сказал», т. е. утверждается: сказал, что это дерево. И не случайно формы *гэхэ* выступают в роли связующего слова между приложением и определяемым словом: «*Ударник*» *гэжисэ колхоз* «Колхоз „Ударник“», «*Правда*» *гэжисэ газет* «газета „Правда“ и т. д. В приложении предмет не только кем-то условно наименован, но существительное, выступающее в этой роли, являясь атрибутом, приближается к предикату⁴⁵.

В - п я т ы х, каждое имя, сочетавшееся с глаголом *гэхэ*, является сколком прямой речи или какого-нибудь предложения в этом роде. Ср. *Худлаар хэлэнэ* «Неверно говорит» и *Худлаар гэнэ* «Говорит: „Неверно“».

В - ш е с т ы х, на тех же основаниях глагол *гэхэ* может непосредственно сочетаться с глаголами, а между тем его синонимы лишены этого свойства. Ср. *Ерэбэ гэбэ* «Сказал: „идет“» и невозможное сочетание *ерэбэ хэлэбэ*.

Таким образом, хотя по своим основным значениям глагол *гэхэ* является синонимом глаголов *хэлэхэ*, *үгэлэхэ* и других, но тем не менее он очень своеобразен и во многом отличается от последних. И это отличие выражено прежде всего в тех особенностях сочетаемости этого глагола с другими словами, которые основаны на едва уловимых смысловых его оттенках⁴⁶. В связи с этим глагол *гэхэ* выделяется из синонимического ряда и имеет возможность сочетаться с глаголами или с предикатом вообще, т. е. одним из тех членов предложения, которые могут быть организующим его центром. Следовательно, глагол *гэхэ* может сочетаться с грамматически организованной единицей речи (прежде всего, с прямой речью),

⁴⁴ *Гэхэ* в форме причастия *гэгшэ* может быть частицей, сопровождающей подлежащее, вроде русской частицы «мол» (молвить): *Бадма гэгшэ хаана ябана* «Бадма мол где ходит», или «Так называемый Бадма где бегаёт». В этом случае подлежащее приобретает оттенок известной субъективной окраски.

⁴⁵ См. А. А. Потёбня, Из записок по русской грамматике, III, Харьков, 1899, стр. 101—102 и В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 419.

⁴⁶ Точно так же в русском языке синонимы «путь» и «дорога» сочетаются по-разному (ср. *водный* или *воздушный путь*, *жизненный путь*, *проселочная дорога*, *взял на дорогу сумочку* и т. д.), потому что они имеют разные оттенки в своих значениях. Слово «путь» более общо по своему значению, чем «дорога».

а в своей причастной или деепричастной форме он может и подчинить такую единицу составу другого предложения. И перед причастными, и перед деепричастными формами *гэхэ* в таких случаях открывается дорога для движения в сторону связующих слов — союзного слова или союза, о чем было сказано выше.

В современных монгольских языках по нашим наблюдениям имеется не менее четырнадцати видов различных союзных сложноподчиненных предложений, большинство из которых образовано при помощи союзного слова и союза из причастных и деепричастных форм. Придаточных предложений, выраженных формами глагола *гэхэ*, не менее десяти, и по своему значению они бывают: определительные, дополнительные, сравнительные, обстоятельства цели, уступки, условия, предположения, образа действия времени и причины⁴⁷.

Кроме форм глагола *гэхэ*, в роли связующих слов выступают и некоторые другие слова, но их удельный вес сравнительно небольшой. Так, например, придаточные следствия вводятся в главное предложение при помощи разных форм так называемых «глагольных местоимений» — *түүхэ*, *ийхэ*, *түүмэ*, *түүмэ хаа* и др. Затем в придаточных подлежащем, сказуемом, обстоятельства места и степени связующими словами являются корреляты, состоящие из местоимений *хэн* — *тэрэ* «кто — тот», *ямар бэ* — *түүмэ* «каков-таков», *хаана хаа* — *тэндэ хээ* «откуда — оттуда» и др. Помимо многочисленных видов союзных предложений, имеется и несколько бессоюзных сложноподчиненных предложений.

Заклучая все сказанное нами выше, можно сделать следующие выводы:

1. В монгольских языках имеется довольно сложная и развитая система сложноподчиненных предложений.

2. Сложноподчиненные предложения в монгольских языках, языках агглютинативных, вопреки марристской стадильной теории, возникают не изнутри простого предложения⁴⁸, «...когда спрягаемая форма глагола заменила отглагольное имя, в о р в а в (разрядка наша. — Т. Б.) тем самым оборот и создав придаточное предложение»⁴⁹, а главным образом из недр прямой речи путем постепенного абстрагирования значения различных форм глагола *гэхэ* «говорить».

3. Развитие сложноподчиненных предложений, как мы видели, происходит на основе внутреннего закона развития языков — общего и частного, — т. е. путем постепенного абстрагирования значения связующих слов с сохранением их старого качества и — в силу особой своеобразной функции и значения глагола *гэхэ* и его причастных и деепричастных форм — грамматической структуры монгольских языков в целом. Все это наложило очень своеобразный характер на систему сложноподчиненных предложений в монгольских языках. Абстрагированное развитие форм глагола *гэхэ*, выступающих в роли связующих слов, стало настолько значительным, что они стали сочетаться со словами, по своему значению выходящими далеко из круга синтаксического функционирования глагола *гэхэ*.

4. В формировании монгольских сложноподчиненных предложений сыгнали свою роль также «самостоятельные причастные и деепричастные обороты», названные нами выше «самостоятельными» и выполняющие

⁴⁷ См. статьи Т. А. Бертагаева: «Классификация союзных и бессоюзных придаточных предложений в современном бурят-монгольском языке», сб. «В помощь учителю», Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1949 (1950), стр. 61—76 и «К исследованию сложноподчиненных предложений в бурят-монгольском языке», «Записки Бурят-Монгольского НИИКЭ», Улан-Удэ, Бурмонгиз, 1947, стр. 97—109.

⁴⁸ См. А. Рифтин, указ. соч., стр. 64.

⁴⁹ Там же, стр. 63.

такие функции придаточных предложений, которые не могут быть выполнены собственными придаточными предложениями монгольских языков.

5. Развитие причастных и деепричастных оборотов имеет свои особые внутренние законы, определяемые структурной особенностью этих оборотов, и связано с общими законами постепенного и неравномерного развития языковых явлений. В результате этого обороты имеют тенденцию переходить в независимые предложения, являясь подчиненными или зависимыми лишь в том состоянии, когда они еще неполноценные предложения, т. е. предложения не в полном смысле слова. При этом переход в независимые предложения происходит в процессе постепенного угасания подчинительной функции суффиксов деепричастного оборота, относящегося к основному глаголу предложения, и окончательного предикцирования, следовательно, вербализации деепричастия. Стало быть, деепричастие, утратив собственную функцию, приобретает уже функцию *verbum finitum*, т. е. организующего центра независимого, а не подчиненного предложения; но это происходит не с каждым причастием или деепричастием подобного оборота.

Итак, основная линия развития сложноподчиненных предложений в языках типа монгольских проходит не через «развитие сложноподчиненного предложения изнутри простого предложения» и не через процесс внешнего механического объединения двух или трех предложений в одно, а через процесс изменения отдельных структурных элементов монгольских языков по их внутренним законам развития в сторону подчинительной функции, вызванной потребностями общения носителей языка.
